

ПРОДОЛЖАЕМ ТЕМУ

Не уверен, не пиши!

Ответ Льву Колодному, не критику, выступающему от имени зрителей...

Моск. правда - 1999. Иркутск - С. 9

Лев Колодный решил публично со страниц «МП» (17 февраля с. г.) преподавать урок общественной добродетели Виктору Розову, сразу же оговорив, что он не стал бы полемизировать с известным драматургом, если бы тот не вторгся в публицистику. Да еще на страницах таких изданий, которые ужасно несимпатичны Колодному. И тут же популярно объяснил, почему именно он не одобряет позиции некоторых авторов газет «Правда» и «Завтра». Однако...

...При чем же здесь Розов? Разве он редактирует эти издания? К чему все эти пассажи, исполненные в лучших традициях столь ненавистой Колодному партийной прессы, когда с помощью различных манипуляций с цитатами подменялся истинный смысл и навешивались несправедливые, убийственные ярлыки?

Наконец, разве не личное дело каждого решать, где ему изложить свою точку зрения? Важно лишь при этом соблюсти элементарные правила: быть честным, правдивым, доказательным, корректным, компетентным. Но, увы...

Должен Вас огорчить, господин Колодный: Виктор Сергеевич Розов действительно известен во многих странах мира. Фильм «Летят журавли», снятый по его сценарию, еще в 1957 году получил Главный приз на Каннском международном кинофестивале и с тех пор обошел едва ли не все экраны планеты. А пьесы Розова с успехом ставились не только у нас и в странах Восточной Европы, но и в США, Канаде, Японии, Великобритании, ФРГ, Испании, Австрии, Австралии, Италии, Франции, Швеции, Греции, Турции, Египте, Китае, Бразилии, на Кубе, в Израиле, Аргентине, хотя отечественная цензура и бывшее Министерство культуры СССР действительно приложили немалые усилия к тому, чтобы этому воспрепятствовать.

Вы справедливо пишете о том, в каких муках рождались лучшие спектакли Товстоногова, Ефремова и Эфроса, «забивая», что они ставили пьесы... Розова, «Современник» начал свою биографию с его «Вечно живых». Анатолий Эфрос проснулся наутро знаменитым после премьеры пьесы Розова «В добрый час!». Кстати, и в «Ленкоме» Эфрос

дебютировал пьесой Розова «В день свадьбы» — знаменитый был спектакль! И у Товстоногова шли многие произведения Виктора Сергеевича.

Что верно, все они выпускались с трудом, но при чем же здесь Розов? Его «вина» состояла лишь в том, что он писал правду, подмечая в жизни то, мимо чего проходили другие. «Важно, не кем я буду, а каким», — скажет Андрей Аверин из «Доброго часа». Не это ли обостренное чувство современности стало причиной запрещения многих пьес Розова, которые с большим трудом попадали на сцену? Не потому ли одна из поздних его пьес «Гнездо глухаря», талантливо поставленная Валентином Плучеком в столичном театре сатиры, была встречена хорошо организованным заговором молчания в прессе, ибо автор посмел посягнуть на святая святых и рассказать о подлинных нравах, царящих в высших эшелонах власти.

Однако что до всего этого господину Колодному, если он полагает, что в «Иркутской истории» рядом с нормальными героями появился образ (?) шагающего в коммунизм экскаватора? Но не было там такого образа, это какое-то наваждение! К тому же «Иркутскую историю» — одну из лучших пьес 50—60-х годов — сочинил не Розов, а Арбузов, но это уж так, к слову, «мелочи жизни»...

Впрочем, таких сенсационных «мелочей» в публикации Колодного — хоть пруд пруди! Оказывается, у Эфроса не было своего театра в Москве. Выходит, что в «Ленкоме» и на Таганке главным режиссером служил не сам Анатолий Васильевич, а его двойник или того хуже — какой-то самозванец. Вот здорово! А Сталин, оказывается, ездил 18 раз на «Дни Турбиных» во МХАТ, чтобы лицезреть блистательную игру Аллы Тарасовой. Откуда Колодному знать, что первой исполнительницей роли Елены Тальберг была В. С. Соколова? Что позднее ее играли К. Н. Еланская и О. Н. Андровская? Да и зачем ему все это, если главная задача Колодного доказать, что Виктор Сергеевич Розов лично причастен к трагической судьбе автора «Дней Турбиных» и многих других талантливых писателей, актеров, режиссеров, загубленных в ста-

линских лагерях, раз он смеет утверждать, что в те годы могли появляться выдающиеся произведения литературы и искусства.

Но что поделаешь, если как раз на тот период выпала доля родиться и творить Прокофьеву, Шостаковичу, Эйзенштейну, Мейерхольду, Таирову, Ахметели, Курбасу, Михоэлсу, Цветаевой, Ахматовой, Мандельштаму, Булгакову, Олеше, Платонову, Пастернаку, Маяковскому, Фальку? Их личная судьба во многом была действительно трагична, но разве это хоть в какой-то степени может умалить вклад каждого из этих колоссов в сокровищницу отечественной и мировой культуры?!

К тому же по иронии судьбы именно на этот отрезок времени приходится расцвет творчества других выдающихся художников, чудом избежавших репрессий. Так что же теперь объявлять коллаборационистами Маршак, Чуковский, Образцов, Чабукиани, Марецкую, Плятта, Раневскую, Уланову, Рихтера, Мравинского, Ильинского? Зачем? Чтобы доказать «состоятельность» концепции Колодного?

Мой оппонент сомневается, станут ли современные режиссеры ставить пьесы Розова? «Если Виктор Розов — всемирно известный драматург, то кто же тогда Вильям Шекспир? Может быть, они — одного поля ягоды? Неужели пьесам Виктора Сергеевича суждена такая же участь, и поколениям зрителей предстоит на спектаклях, поставленных режиссерами будущего, страдать, любить, плакать и смеяться, духовно очищаясь и обогащаясь? Не уверен».

В другом месте Колодный позволяет себе писать: «Понять Виктора Розова можно. Его драматургия недолговечна, свое время она не пережила, умерла вместе с ним». И добавляет: «Все эти факты уже, можно сказать, старые, общеизвестные, но почему-то Виктором Розовым, перешедшим двумя ногами на позиции партийности, оказались вдруг забытыми».

Вынужден снова огорчить Л. Колодного. И пьесы, и фильмы Розова пока во всяком случае остаются в действующем репертуаре. И при чем здесь Шекспир? Разве кто-нибудь утверждал, что Розов — второй Шекс-

пир? По мне так вполне достаточно того, что он — первый Розов. А уж кому сколько суждено оставаться на сцене или экране, рассудит сама история, зачем ей наши подкаски?

Что же касается партийности Розова, то он-то как раз никогда ни в какой партии не состоял, хотя и мог бы вступить, к примеру, перед боем под Вязмой осенью 1941 года, где был тяжело ранен.

А уж натерпелся драматург от этого самого партийного руководства, не дай Бог никому! Но в последнее время выясняется парадоксальная ситуация: больше всего эту самую партию поносят вовсе не те, чьи интересы она так или иначе ущемляла, но те, напротив, кого она неправомерно вознесла, обладала, напоила и накормила. Судя по пафосу, с каким это делает господин Колодный, начинаешь думать, а не был ли он сам до недавнего времени в первых рядах борцов за светлое будущее, что олицетворяли собою ум, честь и совесть нашей эпохи? Уж больно он от нее отрешивается, но при этом подозрительно пользуется теми же методами с той лишь разницей, что большевики все сваливали на царя, помещиков и буржуазию, разоривших Россию, а Колодный обвиняет коммунистическое руководство СССР, оставившее в наследство демократам «пустую казну, долги, разорение и бедность миллионов трудящихся». Вот-вот и проклюнется сквозь все эти стенания знакомый с детства призыв: пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Мне не хочется продолжать полемику с господином Колодным, пусть его филиппики останутся на совести моего оппонента. Хочу лишь в заключение сказать, что я и сам не всегда соглашаюсь с Виктором Сергеевичем. Но, следуя заповеди Вольтера, готов умереть за то, чтобы любой человек получил возможность высказать свое мнение. Иначе какая же это демократия? Только тоталитаризм не разделял это суждение великого французского просветителя. Но ведь господин Колодный как будто тоже против тоталитаризма?

Или только как будто...

Борис ПОЮРОВСКИЙ.